
ТЕЛЕСНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ

УДК 390.4

DOI: 10.31249/hoc/2021.03.08

*Пулькин М.В.**

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕЛА В ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРАХ: ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ[©]

Аннотация. В статье рассмотрены основные проблемы репрезентации обнаженного тела как одной из значимых составляющих традиционной и современной культуры. Выявлено, что функционирование представлений о значении обнаженности в культуре связано с рядом бинарных оппозиций. Первая из них является противопоставлением сексуальности и аскетизма. Вторая предполагает противостояние и единство традиционализма и нигилизма. Третья связана с унижением или ростом значимости, самоутверждением индивида. В каждом конкретном случае обнажения мы имеем дело со своего рода посланием, обусловленным состоянием культуры конкретного общества на вполне определенном этапе его развития. Обнаженность интерпретируется адресатом исходя из его собственных представлений о допустимых вариантах поведения.

* *Пулькин Максим Викторович – старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ «Карельский научный центр РАН», доцент Петрозаводского университета, Петрозаводск, Россия, e-mail: mvpulkin@mail.ru*

Pulkin Maxim Viktorovich – senior researcher of the Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center «Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», docent of the Petrozavodsk University, Petrozavodsk, Russia, e-mail: mvpulkin@mail.ru

Ключевые слова: сакральное; социализация; нагота; телесность; нудизм, обнажение, репрезентация, нормы, традиции, мораль.

Получена: 06.05.2021

Принята к печати: 21.05.2021

Pulkin M.V.

**Body representations in traditional and modern cultures:
comprehension problems**

Abstract. The article examines the main problems of the representation of the nude body as one of the significant components of traditional and modern culture. It was revealed that the functioning of ideas about the meaning of nudity in culture is associated with a number of binary oppositions. The first is the opposition between sexuality and asceticism. The second presupposes the opposition and unity of traditionalism and nihilism. The third is associated with humiliation or an increase in the importance of the individual. In each specific case of exposure, we are dealing with a kind of message due to the state of the culture of a particular society at a very definite stage of its development. Nudity is interpreted by the addressee based on his own ideas about acceptable behaviors.

Keywords: sacred; socialization; nudity; corporality; nudism; nudity; representation, norms, traditions, morality.

Received: 06.05.2021

Accepted: 21.05.2021

Проблема, вынесенная в заголовок данной статьи, имеет не только академическое, но и прикладное значение. Обнаженность как этический, аксиологический, теологический, художественный и не в последнюю очередь рекламно-коммерческий вопрос сохраняет особую остроту в современном обществе. Обнаженные тела все чаще появляются в рекламных роликах, кинофильмах, других произведениях искусства, предназначенных как для «элитарного», так и для «массового» зрителя. В то же время в обыденном сознании сохраняется табуирование телесных актов. Оно приобретает разнообразные формы и связано с осуждением репрезентации тела. С одной стороны, существует точка зрения, в соответствии с которой нагота есть лишь простое «обнажение гениталий», приводящее к «отрицанию интимности» [Пивоев, 2001, с. 314]. С другой стороны, сохраняется столь же рас-

пространенное отождествление наготы с таким состоянием, при котором «тело приобретает качества объектности» подобно раненному телу, «телу-мясу» [Подорога, 1995, с. 21].

Внимательное изучение проблем обнаженности показывает, что настороженное отношение к «голой» проблематике вовсе не является привилегией какой-либо отдельной цивилизации. Известно, что «традиционные общества репрессивны по отношению к непродуктивным формам сексуальности». Но общество не может индифферентно относиться к проблемам наготы и на современном этапе развития, поскольку секс является «фактором, опасным для социальной интеграции, партнерства и солидарности» [Апресян, 2005, с. 57]. Нетрудно заметить, что проблема наготы давно стала предметом научных исследований. Значительный материал накоплен этнографами, изучившими в свое время проблемы семантики обнажения в традиционных (прежде всего африканских и южноамериканских) культурах (Фрэзер Дж.Дж., Элиаде М.). В конце XIX в. интерес к проблеме наготы проявили выдающиеся российские этнографы (Зеленин Д.К., Толстой Н.И. и др.). Обстоятельно изучены причины и способы изображения обнаженных тел в изобразительном (преимущественно европейском) искусстве [Кларк, 2004] и на театральной сцене [Сироткина, 2012, с. 102–119].

Однако в творчестве исследователей, в той или иной мере затрагивавших проблему наготы, заметны существенные пробелы. Например, восприятие наготы в христианской культуре получило значительно меньшее освещение, возможно, из-за самоцензуры – сохраняющегося табу на этот, связанный со смертными грехами, объект изучения. Явно недостаточно изучено обнажение в повседневной жизни. Нельзя забывать, что тело – «ближайший, наиболее доступный инструмент ритуального действия» [Круткин, 1993, с. 132]. Отсутствует концепция наготы как явления культуры, связанного и с повседневным укладом жизни и со сферой сакрального. Голое – это тело без одежды, между тем как нагота является продуктом социального конструирования. Красноречиво высказывался о проблеме соотношения голого и нагого известный театральный критик Н. Евреинов: «О нагой женщине я могу вести беседу со своей матерью, дочерью, сестрой, не оскорбляя вовсе их чувства целомудрия»; о голой придется говорить за закрытой дверью. Каждая нагая женщина также и голая, «но не всякая голая

женщина одновременно и нагая» [Евреинов, 1911, с. 107]. Задача данной статьи заключается в рассмотрении основных закономерностей и противоречий перцепции наготы в традиционной и современной культуре.

Оглядываясь в прошлое, мы обнаруживаем там значительно более сложное, чем сегодня, многомерное восприятие репрезентации тела, которое одновременно символизировало греховные помыслы и крайний аскетизм, унижение или величие, слепое следование традиции или нигилизм. Для первобытных религий религиозный и сакральный сексуальный опыт составляли неразделимое целое, но во времена становления мировых конфессий религиозный кульп превратился «в антитезу сексуального культа» [Райх, 1997, с. 158]. Архаические представления, сохраняясь в видеrudиментов в языческих культурах, способствовали консервации древнего представления о наготе. В то же время эстетизация человеческого тела постепенно, очень медленно приводила к ослаблению религиозных запретов. Для ученого, пытающегося в меру сил рассуждать о проблеме наготы спокойно и отрешенно, сущность наготы может быть выражена в виде бинарных оппозиций.

Сексуальность versus аскетизм. Преодоление полового инстинкта давалось отдельным индивидуумам с большим трудом и в случае успеха вызывало неподдельное изумление окружающих. Судя по хронике Ливонского ордена, составленной в первой трети XIV в., некто Бертольд прослыл удивительным человеком: «о его добродетели рассказывают чудеса». Он «взял некую девицу, лежа с нею почти каждую ночь на ложе своем, нагой с нагою, более года, как она после клятвенно подтвердила, так и не познал ее плотски, и они представили доказательства ее девственности» [Петр Дусбургский, 1997, с. 143]. В современной культуре восприятие наготы приобрело ярко выраженный ситуативный характер. «Обнаженная женщина может невозмутимо позировать художнику, пока она смотрит на себя как на модель». Ситуацию быстро изменит некорректное поведение мастера: если художник каким-либо образом «даст понять, что внимание направлено на нее как индивида» и продемонстрирует сексуальную заинтересованность, она немедленно испытает чувство стыда и поспешит прикрыться [Шибутани, 1969, с. 317].

Репродуктивный смысл обнажения в ряде культур, связанных с земледелием, приводил к тому, что нагота повсюду становилась частью обрядов, призванных обеспечить плодородие. Если в некоторых уголках Амбоины «состояние гвоздичных плантаций указывало на то, что урожай будет скучным», мужчины отправлялись нагими на плантации. Там они с криками “Больше гвоздики!” пытались оплодотворить деревья, “как если бы это были женщины”» [Фрэзер, 1980, с. 160]. Оргиастические праздники постепенно уходили в прошлое. На замену им пришли ритуальные действия – частичное или полное обнажение. Отказ от сексуальной свободы давался человечеству нелегко, требовал длительного времени: ведь неупорядоченным сношениям «приписывалось свойство магическим образом способствовать размножению животных и развитию растений» [Семенов, 1966, с. 299]. Для женщин обнажение становилось элементом любовной магии, способной как открыть завесу будущего, так и приблизить свадьбу. У хорватов Далмации девушка, мечтающая выйти замуж, скакала в чем мать родила на перекрестке, сидя верхом на навое ткацкого станка (круглое бревно, напоминающее пенис). У болгар, чтобы избавиться от бесплодия, женщины катались нагишом по росе перед восходом солнца. Аналогичные отчаянные действия предпринимали девушки в надежде выйти замуж [Агапкина, Топорков, 2001, с. 18–19].

Безусловная и однозначная связь между обнаженностью и воожделением формировалась длительное время и оказалась неустойчивой. Иногда здесь возникал своеобразный конфликт интерпретаций. В начале XX в. в Карелии девушки обнаженными на виду у всей деревни ходили после бани купаться. Местные жители не обращали на эту процессию никакого внимания и «осуждали неадекватную, с их точки зрения, реакцию приезжих» [Логинов, 1993, с. 96]. Современное восприятие наготы ушло далеко, но не вперед, а скорее в сторону или вспять, к животному миру. Оно отождествляет наготу с сексуальностью, но без репродуктивной составляющей. Сегодня достаточно включить телевизор, чтобы убедиться, что сцена обнажения женского тела чаще всего связана с воожделением, греховной страстью или просто оказанием «интимных услуг».

Традиционализм versus нигилизм. Обнажение связано с предельной открытостью, откровенностью, свободой от лжи и фальши. В начале XX в. одна из великих танцовщиц – Айседора Дункан – по-

лагала, что лишь обнаженное тело может стать полностью свободным [Дункан, 1989, с. 17]. Иногда нагота выступает в обычном, «практическом» применении. Геродот «приходил в изумление оттого, что у некоторых “варварских” народов считается постыдным ходить обнаженными»: он утверждает, что девушки в Греции нередко находили себе женихов, выставляя напоказ свои нагие тела [Худеков, 1913, с. 105]. В восточной культуре, при несомненном табуировании наготы, сохранились следы иного восприятия указанной проблемы. В персидской поэме «Шах-намэ» говорится о встрече Искандера и нагих мудрецов:

Все мудрецы святые той земли
С высоких гор встречать его сошли. <...>
Все были босы и обнажены,
Но света и величия полны. <...>
«Зачем парчой нам тело украшать?
Ведь смертного нагим рождает мать.
Нагим уходит смертный в недра праха,
А мир – обитель горя, скорби, страха».

[Фирдоуси, 1964, с. 288–289]

Осмысление проблемы репрезентации тела в христианской религиозной философии привело к противоречивым итогам. Русский богослов начала XIX в. Филарет предписывал христианину аскетический идеал, связанный с «чистейшей» наготой по образцу Того, кто «в чистейшей наготе пролил за тебя очистительную кровь свою» [Сочинения Филарета, 1873, с. 175]. Однако и в христианстве восприятие наготы не стало однозначным. Христианская культура заранее предполагает отказ от наготы даже наедине с самим собой и тем более во время совершения того обряда, который является с точки зрения церкви вторым рождением. Знатоки тайнств считали необходимым, чтобы по древнему обычью при погружении в купель «крещаемый» оставался «совершенно нагим», т.е. «в том виде, в каком он родился». Иногда такого рода предписания соблюдаются современной православной церковью. Но общество воспринимает их как экстравагантную форму осуществления обряда. В современных условиях это стало невозможным: ведь каждый «носит на теле стыд преступления» [Вениамин, 1909, с. 408].

Изучение элементов православного обихода (иконы, фрески, жития святых) показывает, что однозначное отношение к проблеме обнаженного тела христианской культуре сформировать не удалось. Обнаженным принято изображать Иисуса Христа во время страстей Господних, иногда нагими пишут святых. В последнем случае обнаженность – знак «полной отданности Богу» [Языкова, 1994, с. 25]. Нередко обнаженными представляли перед современниками Христа ради юродивые, аскеты, пустынники. Их нагота не только не шокировала верующих, но и придавала их подвигу особое значение. Можно сказать, что нагота стала идеальным одеянием юродивых [Лихачев, Панченко, 1984, с. 16]. Англичанин Флетчер пишет, что в начале XVII в. в Москве по улицам бродил нагой юродивый и настраивал местных жителей против Годуновых [Федотов, 1990, с. 207].

Нагота связана с крайней формой самоотречения – юродством Христа ради. Задумав юродствовать, человек сбрасывает одежду. Таким стал первый шаг известного юродивого Андрея Цареградского: он взял нож и разрезал свою одежду. Точно так же поступил исихаст Савва Новый, который начал юродствовать на Кипре. Удалившись от спутников, «соввлекшись всех одежд телесных», он явился на остров, произнося известные слова Иова: «Наг вышел я из чрева матери моей, наг и возвращусь туда». Впоследствии он начал обходить города и села «босой и совершенно обнаженный <...>, никому не известный и не знакомый» [Филофей, 1915, с. 37]. В то же время обнаженными на иконах пишут грешников, осужденных к вечным страданиям. Ведь нагим человек приходит в мир, нагим уходит из него, незащищенным предстанет он в день судный.

Разрыв с установленными обществом нормами связан с обнажением. В обрядах перехода у африканских племен главные участники событий могли «наряжаться чудовищами, носить только лохмотья или даже ходить голыми, демонстрируя, что, будучи лиминальными, они не имеют статуса» [Тэрнер, 1983, с. 169]. В поведении московских пьяниц в XVI в. прослеживаются сходные черты: «Очевидец рассказывает, как вошел в кабак пьяница <...> пропил белье и вышел из царева кабака совершенно голый, но веселый, некручинный, распевая песни и отпуская крепкое словцо немцам, которые вздумали было сделать ему замечание» [Костомаров, 1995, с. 115]. В Европе публичное обнажение принимало более утонченные формы. Граждан Вене-

ции в XVI в. раздражало, что местные юноши проявляли склонность к гомосексуализму, разъезжая на гондолах нагими, да еще и с женскими украшениями [Марков, 1999, с. 165].

Нередко отрицательное восприятие наготы принимало мистическую форму. В гротескных средневековых представлениях, распространенных в Западной Европе, дьявол всегда является нагим [Лихачев, Панченко, Понырко, 1984, с. 93]. Особые ограничения связывались с женской наготой. В патриархатной традиции она определяется как стихийное и деструктивное явление. Подобное восприятие тела женщины нашло отражение в русской мифологической прозе. Леша-чиха представлялась крестьянам в виде нагой девушки, идущей по лесу [Померанцева, 1975, с. 45]. Аналогичны характеристики русалок, лесных и водных, предстающих перед очевидцами в обнаженном виде. Их столкновение с миром людей несет угрозу: «Шел по лесу один мужик, а оне за ним турятся, все голые, растрепанные». Молитва помогла справиться с угрозой: «Русалки заголосили и убежали в лес» [Померанцева, 1975, с. 72]. Спасение от власти мифических существ и возможность покинуть лес достигались при помощи обнажения, что отражено в ряде записанных на Русском Севере быличек: «Собирали мы чернику. Домой бы идти – дождь, гроза. Не можем попасть на дорогу... Я тряпки сняла, голая... И вдруг показалось озеро, другое, наши места. А час плутали» [Криничная, 2011, с. 174].

В России накоплен значительный опыт массового обнажения в повседневной сфере, за рамками чрезвычайных событий, который опирался на спокойное отношение к наготе, удивлявшее иностранцев. Путешественник Адам Олеарий, описывая нравы москвичей, не смог удержаться от описания шокирующей сцены. Его спутникам довелось видеть в Москве, «как мужчины и женщины выходили прохладиться из простых бань». Местные жители обнаженными «подходили к нам и обращались к нашей молодежи на ломанном немецком языке с безнравственными речами» [Олеарий, 1906, с. 190]. Датский посланник при дворе царя Петра Первого Юст Юль запечатлел следующую картину: «мне случилось видеть, как русские пользуются своими банными». Несмотря на морозную погоду, они выбегали из бани совершенно голые и бросались в речку, а затем вновь бежали в баню, «но прежде чем одеться, высказывали еще и долго, играя, бегали нагишом по морозу и ветру» [Юст, 1914, с. 86]. При свободном восприятии наготы

она могла стать частью игровой народной культуры. Взаимосвязь игры и эротики объясняется тем, что «молодежные развлечения являются отдаленными потомками древних инициационно-посвятительных обрядов, непосредственно предварявших брак» [Морозов, Слепцова, 2004, с. 41]. В целом ритуальное обнажение связывалось с предписаным традицией отказом от норм приличия. Здесь нагота сближалась с обрядовым поведением. В этом контексте нагота отождествляется с «дуростью»: это «та же нагота», призванная освободить, обнажить ум от всех условностей и стереотипов [Лихачев, Панченко, Понырко, 1984, с. 16]. Особенно отчетливо такое стремление проявилось в праздничной обрядности, когда одной из форм развлечений стало принудительное обнажение молодых людей противоположного пола [Морозов, Слепцова, 2004, с. 36].

Рассматривая одежду как «знак принадлежности к упорядоченному миру», носители традиционной культуры совершили магические действия обнаженными. Судя по описанию контакта людей с нечистой силой, приведенному Д.К. Зелениным, нагота становилась одним из условий контакта с русалками. Молодой парень из Орловской губернии, намереваясь посетить русалочки хороводы, отправился в лес голым, надев на себя для защиты от нечисти два нательных креста. Визит имел трагические последствия: один из крестов оборвался, русалки набросились на парня и защекотали его до смерти [Зеленин, 1995, с. 156]. Ведун-зелейник представлял перед лекарственным растением – объектом своих поисков – «как говорится, в чем мать родила». В таком виде колдун ничком падал на землю перед травой, произнося обязательные слова заклинания [Криничная, 2000, с. 210]. Одежда выполняла роль оберега, принадлежности к миру христианской культуры, выход за пределы которого опасен как для жизни в «этом» мире, так и для загробной судьбы. Согласно польским поверьям, человеку следовало спать в одежде. В противном случае его может задушить дьявол, «который к тому же овладеет его душой» [Агапкина, Топорков, 2001, с. 19].

Если контакт со сверхъестественными существами достигался ценой обнажения, то логично предположить, что и гадание осуществлялось в обнаженном виде. Этнографические сведения вполне подтверждают это предположение. В Каринтии (Словения, в настоящее время территория Австрии) девушка, которая хотела узнать свою судь-

бу, в ночь накануне Иванова дня мела обнаженной пол в чужой избе по направлению к дверям. Закончив работу, она оглядывалась и в тот момент могла увидеть суженого. Иногда обнажение предшествовало исполнению женщиной магических обрядов. Летом в Западной Болгарии рано утром женщины выходили на поля и одна из них, «раздевшись донаага, шла через поле, срывая по несколько колосьев и тем самым “отбиная” урожай в свою пользу» [Агапкина, Топорков, 2001, с. 18]. Здесь мы имеем дело, во-первых, с обнажением «для себя», без учета потенциальных зрителей, если не считать таковыми сверхъестественные силы и, во-вторых, с осознанием наготы как признака принадлежности к трансцендентному миру.

Из-за связи с сексуальностью нагота стала неотъемлемой частью обрядов, связанных с плодородием. Мировоззрение земледельцев создало образ земли в виде матери, неустанно дающей жизнь и людям, и животным, и растительности. Ей следовало помочь всевозможными обрядами. Для того чтобы урожай стал богатым, в традиционных обществах практиковались «эсхрология (ритуальное сквернословие), жесты обнажения». Немецкие девушки с этой же целью плясали нагими вокруг льняного поля [Покровская, 1983, с. 78]. В России мужчины иногда сеяли лен в обнаженном виде. В XIX в. появилось утилитарное объяснение этого обряда, который ранее имел сексуальный подтекст. В основе этого требования лежит желание «вызывать страдание природы, чтобы она вырастила лен для одежды» [Зеленин, 1995, с. 58]. Белорусы Витебской губернии после посева льна раздевались и катались нагишом по земле [Шейн, 1902, с. 230]. На Смоленщине голый мужик облезжал на лошади конопляное поле. В Сибири женщины нагишом сеяли рапу [Маслова, 1984, с. 116].

Нагота становилась существенной частью метеорологической магии. В ряде местностей в периоды засухи женщины «бегают по полям обнаженными, чтобы стимулировать мужское начало неба и вызвать дождь» [Элиаде, 1999, с. 327]. Обратное действие – обряды для прекращения нежелательного дождя – также связано с обнаженностью. Причем и здесь сходные обряды наблюдаются в разных частях света. Во время засухи сербы раздевают догола маленькую девочку, она идет по деревне. Девушки образуют вокруг нее кольцо, хозяйка дома выливает на нее ведро воды. Индийский народ телугу выпускают на дождь нагую девочку с пылающей головешкой в руках. Головешку

она должна показать тучам и тогда ливень прекратится [Фрэзер, 1980, с. 79, 84].

Унижение versus самоутверждение. Обнажение тела неразрывно связано со стыдом, вследствие чего возникает возможность использовать его для наказания. Стыд всегда носил избирательный характер, распространялся только на лиц, равных по статусу. В Древнем Риме матроны свободно раздевались при рабах, но стыдились мужчин своего сословия [Поршнев, 1969, с. 173]. Запреты на демонстрацию собственной и на созерцание чужой наготы мотивируются соображениями статуса. Вспомним библейского Хама: он посмеялся над наготой отца, нарушив общепринятые нормы (младший не имеет права разглядывать старшего). Обнажение нередко становилось частью наказания за некоторые проступки как в древности, так и в относительно недалекие от нас времена. Яркие картины содержит Послание святого апостола Павла римлянам: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?» (Рим., 8:35). Проповедники в Средние века не упускали возможности в подробностях описать кары, которые обрушаются на грешников в потустороннем мире. По их представлениям, грешники на том свете пребывают нагими, подвергаясь всевозможным мучениям. Судя по проповедям, мужчина, соблазнивший замужнюю женщину и умерший без покаяния, на краткое время явился с того света. «Вид его был ужасен, его нагое тело было все сожжено адским огнем» [Гуревич, 1989, с. 286].

Но и в реальности, на «этом» свете нагота становилась частью наказаний. На Руси наказание батогами производилось двояко: как в рубашке, так и по обнаженному телу. Последнее в законе обозначается специальным выражением: «разболокши», т.е. раздев, «бить нагих» [Сергиевский, 1887, с. 165]. Царские забавы иной эпохи, начала XVIII в., несли российской знати неслыханные унижения. Петра Великого «бесило, когда его приближенные смели выражать свои вкусы и желания», не соответствующие монаршей воле. Боярин Головин «ни за что не хотел рядиться в шуты». За упрямство последовало наказание: «его раздели донага, преобразили в демона и поставили на невский лед» [Евреинов, 1905, с. 65]. В XVIII в. при помощи обнажения боролись с проституцией: пойманых «в полку» (т.е. в казармах) блудниц раздевали и прогоняли нагими на улицу [Евреинов, 1905, с. 60].

В XIX – начале XX в. обнажение как часть наказания сохранилось в народной культуре. Нарушители запрета есть репу до 29 августа независимо от пола и возраста подвергались жестокому наказанию. О его поведении объявляли односельчанам и наказывали публично: раздев донага, обматывали снятой одеждой голову и руки и в таком виде проводили по деревне [Русский Север, 2004, с. 716]. По материалам XIX в. прослеживается наказание путем публичного обнажения неугодных помещику священников. В Тамбовской губернии некоторых из них нагими привязывали к саням и спускали с горок [Бернштам, 2005, с. 84]. Иногда встречаются упоминания о том, что публичное обнажение женщины предшествовало наказанию за супружескую неверность. В 1925 г. харьковская газета «Коммунист» сообщала, что в одной из местных деревень неверную жену, совершенно раздетую, публично высекли крапивой [Зеленин, 1995, с. 367].

В середине XX в. обнажение превратилось в один из способов психологического подавления личности, практикуемых на «фабриках смерти» – нацистских концентрационных лагерях. Здесь «процедура поступления женщин в лагерь производилась в присутствии мужчин-эсэсовцев». Они не только пристально разглядывали голых женщин, но и «непристойно комментировали происходившее». Между тем в обществе довоенного времени целомудрие являлось одним из обязательных компонентов повседневной модели поведения. Многие узницы никогда не видели обнаженными даже собственных матерей [Аристов, 2010, с. 114]. Для современного сознания нагота устойчиво связывается с явным нарушением гражданских прав. Это утверждение стало общим местом в феминистических изданиях. В обиход вошло понятие «сексплуатация», подразумевающее бездушное, унизительное использование обнаженного человеческого тела для получения тех или иных форм наслаждения и / или извлечения прибыли.

Идея величия наготы пришла к нам из античной культуры. Квинтэссенцией античного искусства стало скульптурное изображение нагого человека: в нем при помощи «чувственного соотношения частей исчерпывающе передано все существенное и значительное бытия» [Шпенглер, 1993, с. 120]. В Средневековые традиция совпадения наготы и престижности отчасти поддерживалась. Во Флоренции и ряде других итальянских городов ежегодно происходили состязания бегунов, участники которых бежали обнаженными. Нагота не станови-

лась предметом стыда или осмейния. Напротив, города «оспаривали друг у друга пальму первенства по блистательности оформления этих праздников» [Красновская, 1978, с. 17].

В современном (XX век) восприятии подобные представления постепенно трансформировались в идею превосходства и вседозволенности, связанную с наготой. По сведениям А.И. Солженицына, следовательница НКВД во время допроса раздевалась догола перед подозреваемым, «но все это время продолжала допрос». Одновременно обнажение одной из арестанток приобрело противоположное значение – стало способом сломить ее сопротивление. Надзирательница велела ей раздеться, унесла одежду, а ее заперла обнаженной. Пришли тюремщики, «стали заглядывать в глазок, смеяться и обсуждать ее стати» [Солженицын, 1991, с. 99–100]. Современное феминизированное сознание выдвинуло новое восприятие наготы, связанное с женским деэротизированным телом, назойливо выставляемым напоказ. Не прелестная красотка, пленяющая наготой, но экгибирующая фурия предстает на изображениях. «Она пугает мужчину, ибо зритель, как “человек вообще” и “продукт фаллоцентрической цивилизации” по определению является мужчиной. Не посвящение, но унижение и кастрация ждет осмелившегося приблизиться» [Рассохина, 2000, с. 135].

Итоговые соображения о проблеме наготы сводятся к следующему. Анализ имеющихся данных показывает, что ни в коем случае не следует отождествлять наготу с открытием половых органов, фаллическими культурами и т.п. Признание наготы одним из важных факторов культуры, выражющим те или иные культурные ценности, не является привилегией какой-либо отдельной цивилизации. С помощью обнажения выражаются как аскетизм, так и стремление к плотским удовольствиям, его используют для наказания, унижения или демонстрации превосходства. Можно отметить параллельное существование спокойного и стабильного отношения к наготе у представителей традиционной культуры и постоянные изменения трактовок демонстрации обнаженного тела в сознании западного человека.

Эволюция отношения к наготе сводится к принятию наготы как неотъемлемой части культуры в античном обществе, отрицанию этической ценности наготы в эпоху Средневековья, постепенному «возвращению» к наготе в период Возрождения и принятию наготы как

естественного явления в современном мире. По утверждению театральных критиков начала XX в., «с наготою в театре будет то же, что с боями быков, которые наконец были разрешены, ввиду формального требования со стороны населения» [Луис, 1911, с. 118]. Это требование громко звучит в виде общественного спроса на сцены, где присутствует обнажение. Со сцены культ наготы проникает в жизнь. Но не все так просто: женщины сами постараются избежать обнажения, доступного взгляду посторонних, так как их привлекательность нередко «спокоится на обмане; нагота же выводит его на свежую воду» [Лачинов, 1911, с. 101]. Обнаженное тело, назойливо, ежедневно выставляемое напоказ, «оказывается сложной символической картиной», значение которой «постепенно научается читать зритель» [Марков, 1999, с. 35–36].

Список литературы

- Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. – М. : Индрик, 2002. – 816 с.
- Агапкина Т.А., Топорков А.Л.* Ритуальное обнажение в народной культуре славян // Мифология и повседневность: гендерный подход в антропологических дисциплинах. – СПб. : Алтейя, 2001. – С. 18–23.
- Апресян Р.Г.* Принцип наслаждения и интимные отношения // Человек. – 2005. – № 5. – С. 57–64.
- Аристов С.В.* Женщины в концентрационном лагере Равенсбрюк: насилие и противостояние // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. – М., 2010. – Вып. 31. – С. 114–136.
- Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2005. – 416 с.
- Вениамин* (архиепископ). Новая скрижаль. Полное объяснение всех церковных служб, обрядов, молитвословий и предметов церковного обихода. – СПб., 1909. – 562 с.
- Гуревич А.Я.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников. – М. : Искусство, 1989. – 462 с.
- Дункан А.* Танец будущего. Моя жизнь. Мемуары. – Киев : Мистецтво, 1989. – 352 с.
- Евреинов Н.* Сценическая ценность наготы // Нагота на сцене : сб. статей / под ред. Н.Н. Евреинова. – СПб. : Тип. Морского Министерства, 1911. – С. 107–115.
- Евреинов Н.* История телесных наказаний в России. – СПб., 1905. – 238 с.
- Зеленин Д.К.* Избранные труды. Очерки по русской мифологии: Умершие неестественно смертью и русалки. – М. : Индрик, 1995. – 432 с.
- Кларк К.* Нагота в искусстве. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 480 с.

Костомаров Н.И. Русские нравы. (Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях). – М. : Юрайт, 1995. – 194 с.

Красновская Н.А. Итальянцы // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Конец XIX – начало XX в. Летне-осенние праздники. – М. : Наука, 1978. – С. 16–22.

Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов. – Петрозаводск : Изд-во КарНЦ РАН, 2000. – Т. 1. – 410 с.

Криничная Н.А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. – 632 с.

Круткин В.Л. Онтология человеческой телесности (философские очерки). – Ижевск : Изд-во Удмуртского ун-та, 1993. – 172 с.

Лачинов В.П. Культ наготы // Нагота на сцене : сб. статей / под ред. Н.Н. Евреинова. – СПб. : Тип. Морского Министерства, 1911. – С. 95–106.

Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. – Л. : Наука, 1984. – 295 с.

Логинов К.К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. – СПб. : Наука, 1993. – 232 с.

Луис П. В защиту наготы // Нагота на сцене : сб. статей / под ред. Н.Н. Евреинова. – СПб. : Тип. Морского Министерства, 1911. – С. 118–128.

Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. – СПб. : Алетейя, 1999. – 304 с.

Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. – М. : Наука, 1984. – 328 с.

Морозов И.А., Слепцова И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни северорусского крестьянина (XIX–XX вв.). – М. : Индрик, 2004. – 920 с.

Олеарий А. Описание путешествия в Московию в Персию и обратно. – СПб., 1906. – 582 с.

Петр Дусбургский. Хроника земли Прусской / Петр из Дусбурга; Изд. подгот. В.И. Матузова. – М. : Ладомир, 1997. – 384 с.

Пивоев В.М. Философия культуры : учебное пособие. – СПб. : Директ-Медиа, 2001. – 342 с.

Подорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. – М. : Ad Marginem, 1995. – 341 с.

Покровская Л.В. Земледельческая обрядность // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаем. – М. : Наука, 1983. – С. 70–82.

Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М. : Наука, 1975. – 342 с.

Поршинев Б.Ф. Социальная психология и история. – М. : Наука, 1969. – 438 с.

Райх В. Психология масс и фашизм. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 380 с.

Рассохина И.Б. Деструкция эроса в искусстве феминизма // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя : материалы научной конференции. – СПб., 2000. – С. 135–139.

- Русский Север. Этническая история и народная культура. XII–XX века. – М. : Наука, 2004. – 910 с.
- Семенов Ю.И. Как возникло человечество. – М. : Наука, 1966. – 432 с.
- Сергевичский Н.Д. Наказание в русском праве XVII в. – СПб., 1887. – 426 с.
- Сироткина И. Нагота как сценический костюм // Теория моды: одежда, тело, культура. – 2012. – № 24. – С. 102–119.
- Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. – М. : Советский писатель, 1991. – Т. 1. – 326 с.
- Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. – М., 1873. – Т. 1. – 232 с.
- Тэрнер В. Символ и ритуал. – М. : Наука, 1983. – 277 с.
- Федотов Г. Святые Древней Руси. – М. : Московский рабочий, 1990. – 269 с.
- Филофей. Житие и деяния Саввы Нового. – М., 1915. – 128 с.
- Фирдоуси. Шах-намэ : в 2 кн. – М. : Художественная литература, 1964. – Кн. 2. – 744 с.
- Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. – М. : Политиздат, 1980. – 831 с.
- Худеков С.Н. История танцев. – СПб. : Типография «Петербургской газеты», 1913. – Ч. 1. – 308 с.
- Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. – СПб., 1902. – Т. 3. – 320 с.
- Шибутани Т. Социальная психология. – М. : Прогресс, 1969. – 382 с.
- Шпенглер О. Закат Европы. – Новосибирск : Наука, 1993. – 592 с.
- Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. – М. : Ладомир, 1999. – 488 с.
- Юст Ю. Баня, лечение и обычаи // Русский быт по воспоминаниям современников: XVIII век. – М., 1914. – Ч. 1. – С. 86.
- Языкова И.К. Богословие иконы. – М. : Изд-во Общедоступного Православного Университета, 1994. – 348 с.

References

- Agapkina, T.A. (2002). Mifopoeticheskie osnovy slavyanskogo narodnogo kalendarya. Vesenne-letniy cikl [Mythopoetic foundations of the Slavic folk calendar. Spring-summer cycle]. Moscow, «Indrik». (In Russian).
- Agapkina, T.A., Toporkov, A.L. (2001). Ritual'noe obnazhenie v narodnoj kul'ture slavyan [Ritual nudity in the folk culture of the Slavs]. In *Mifologiya i povsednevnost': gendernyj podhod v antropologicheskikh disciplinah* [Mythology and Everyday life: a gender approach in Anthropological disciplines], 18–23. Saint Petersburg : Aletejya. (In Russian).
- Apresyan, R.G. (2005).. Princip naslazhdeniya i intimnye otnosheniya [The principle of pleasure and intimate relations]. In *Chelovek* [Man], (5),. (pp. 57–64). (In Russian).
- Aristov, S.V. (2010). Zhenshchiny v koncentracionnom lagere Ravensbryuk: nasilie i proti-vostoyanie [Women in the Ravensbruck concentration camp: violence and confrontation]. In *Dialog so vremenem: Al'manah intellektual'noj istorii* [Dialog with Time: An Almanac of Intellectual History]. Vyp. 31, (pp. 114–136). Moscow. (In Russian).

Bernshtam, T.A. (2005). *Prihodskaya zhizn' russkoj derevni: Ocherki po cerkovnoj etnografii* [Parish life of the Russian village: Essays on Church Ethnography]. Saint Petersburg : Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russian).

Veniamin (arhiereiskop). (1909). *Novaya skrizhal'*. Polnoe ob"yasnenie vsekh cerkovnyh sluzhb, obryadov, molitvoslovij i predmetov cerkovnogo obihoda [A new tablet. Full explanation of all church services, rites, prayers, and items of church use]. Saint Petersburg. (In Russian). (In Russian).

Gurevich, A. Ya. (1989). *Kul'tura i obshchestvo srednevekovoj Evropy glazami sovremennikov* [Culture and society of medieval Europe through the eyes of contemporaries]. Moscow : Iskusstvo. (In Russian).

Dunkan, A. (1989). *Tanec budushchego. Moya zhizn'*. Memuary [The dance of the future. My life. Memoirs]. Kiev : Mistectvo. (In Russian).

Evreinov, N. (1911). *Scenicheskaya cennost' nagoty* [The scenic value of nudity]. In *Nagota na scene. Sb. statej* [Nudity on the stage. Collection of articles] N.N. Evreinov (ed.), 107–115. Saint Petersburg. (In Russian).

Evreinov, N. (1905). *Istoriya telesnyh nakazanij v Rossii* [History of corporal punishment in Russia]. Saint Petersburg. (In Russian).

Zelenin, D.K. (1995). *Izbrannye trudy. Ocherki po russkoj mifologii: Umershie neestest-vennoyu smert'yu i rusalki* [Selected works. Essays on Russian Mythology: Those who died an unnatural death and Mermaids..]. Moscow : Indrik. (In Russian).

Klark, K. (2004). *Nagota v iskusstve* [Nudity in art]. Saint Petersburg : Azbuka-klassika. (In Russian).

Kostomarov, N.I. (1995). *Russkie nray. (Ocherk domashnej zhizni i nrayov velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletiyah)* [Russian customs. (An essay on the domestic life and customs of the Great Russian people in the XVI and XVII centuries)]. Moscow : Yurajt. (In Russian).

Krasnovskaya N.A. (1978). *Ital'yancy* [Italians]. In *Kalendarnye obychai i obryady v stranah Zarubezhnoj Evropy. Konec XIX – nachalo XX v. Letne-osennie prazdniki* [Calendar customs and rituals in the countries of Foreign Europe. Late XIX-early XX century. Summer and autumn holidays.], 16–22. Moscow : Nauka. (In Russian).

Krinichnaya, N.A. (2000). *Russkaya narodnaya mifologicheskaya proza. Istoki i polisemantizm obrazov. Vol. 1.* [Russian folk mythological prose. The origins and polysemantics of images. Vol. 1]. Petrozavodsk : Izd-vo KarNC RAN. (In Russian).

Krinichnaya N.A. (2011). *Krest'yanin i prirodnaya sreda v svete mifologii. Bylichki, byval'schiny i pover'ya Russkogo Severa* [The peasant and the natural environment in the light of mythology. Bylichki, byvalschin and beliefs of the Russian North]. Moscow : Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke. (In Russian).

Krutkin, V.L. (1993). *Ontologiya chelovecheskoj telesnosti (filosofskie ocherki)* [Ontology of Human Corporeality (Philosophical Essays)]. Izhevsk : Izd-vo Udmurtskogo un-ta. (In Russian).

Lachinov, V.P. (1911). *Kul't nagoty* [The cult of nudity]. In *Nagota na scene. Sb. statej* [Nudity on the stage. Collection of articles] N.N. Evreinov (ed.), 95–106. Saint Petersburg. (In Russian).

Lihachev, D.S., Panchenko, A.M., Ponyrko, N.V. (1984). *Smekh v Drevnej Rusi* [Laughter in Ancient Russia]. Leningrad : Nauka. (In Russian).

- Loginov, K.K. (1993). *Material'naya kul'tura i proizvodstvenno-bytovaya magiya russikh Zaonezh'ya* [Material culture and industrial and household magic of the Zaonezhye Russians]. Saint Petersburg : Nauka. (In Russian).
- Luis, P. (1911). V zashchitu nagoty [In defense of nudity]. In *Nagota na scene. Sb. statej* [Nudity on the stage. Collection of articles] N.N. Evreinov (ed.), 118–128. Saint Petersburg. (In Russian).
- Markov, B.V. (1999). *Hram i rynok. Chelovek v prostranstve kul'tury* [Temple and market. A person in the space of culture]. Saint Petersburg : Aletejya. (In Russian).
- Maslova, G.S. (1984). *Narodnaya odezhda v vostochnoslavyanskih tradicionnyh obychayah i ob-ryadakh XIX–nachala XX v.* [Folk clothing in East Slavic traditional customs and rituals of the XIX-early XX centuries]. Moscow : Nauka. (In Russian).
- Morozov, I.A., Slepcova, I.S. (2004). *Krug igry. Prazdnik i igra v zhizni severnorusskogo krest'yanina (XIX–XX vv.)* [Game circle. A holiday and a game in the life of a Northern Russian peasant (XIX-XX centuries)]. Moscow : Indrik. (In Russian).
- Olearij, A. (1906). *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu v Persiyu i obratno* [Description of a trip to Muscovy to Persia and back]. Saint Petersburg. (In Russian).
- Petr Dusburgskij. (1997). *Hronika zemli Prusskoj* [Chronicle of the Land of Prussia] Peter of Dusburg; V.I. Matuzov (ed.). Moscow : Ladamir. (In Russian).
- Pivoev, V.M. (2001). *Filosofiya kul'tury. Uchebnoe posobie* [Philosophy of culture. Training manual]. Saint Petersburg : Direkt-Media. (In Russian).
- Podoroga, V. (1995). *Fenomenologiya tela. Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu* [The phenomenology of the body. Introduction to Philosophical Anthropology]. Moscow : Ad Marginem. (In Russian).
- Pokrovskaya, L.V. (1983). *Zemledel'cheskaya obryadnost'* [Agricultural rites]. In *Kalendarnye obychai i obryady v stranah zarubezhnoj Evropy. Istoricheskie korni i razvitiye obychaev* [Calendar customs and rites in the countries of foreign Europe. Historical roots and development of customs], 70–82. Moscow : Nauka. (In Russian).
- Pomeranceva, E.V. (1975). *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klore* [Mythological characters in Russian folklore]. Moscow : Nauka. (In Russian).
- Porshnev, B.F. (1969). *Social'naya psihologiya i istoriya* [Social Psychology and History]. Moscow : Nauka. (In Russian).
- Rajh, V. (1997). *Psihologiya mass i fashizm* [Psychology of the masses and fascism]. Saint Petersburg : Universitetskaya kniga. (In Russian).
- Rassohina, I.B. (2000). *Destrukciya erosa v iskusstve feminizma In Eticheskoe i esteticheskoe: 40 let spustya. Materialy nauchnoj konferencii* [The Destruction of Eros in the Art of Feminism // Ethical and aesthetic: 40 years later. Materials of the scientific conference], 135–139. Saint Petersburg. (In Russian).
- (Anonymous). (2004). *Russkij Sever. Etnicheskaya istoriya i narodnaya kul'tura. XII–XX veka* [Russian North. Ethnic history and folk culture. XII–XX centuries]. Moscow : Nauka. (In Russian).
- Semenov, Yu.I. (1966). *Kak vozniklo chelovechestvo* [How humanity came into being]. Moscow : Nauka. (In Russian).
- Sergievskij, N.D. (1887). *Nakazanie v russkom prave XVII v.* [Punishment in Russian Law of the XVII century]. Saint Petersburg. (In Russian).

- Sirotkina, I. (2012). Nagota kak scenicheskij kostyum [Nudity as a stage costume]. In *Teoriya mody: odezhda, telo, kul'tura* [Fashion theory: clothing, body, culture.], (24), (pp. 102–119). (In Russian).
- Solzhenicyn, A.I. (1991). *Arhipelag GULAG. Vol. 1* [GULAG Archipelago. Vol. 1]. Moscow : Sovetskij pisatel'. (In Russian).
- (Anonymous). (1873). *Sochineniya Filareta, mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo. Vol. 1.* [The works of Filaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna. Vol. 1]. Moscow. (In Russian).
- Terner, V. (1983). *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Moscow : Nauka. (In Russian).
- Fedotov, G. (1990). *Svyatye Drevnej Rusi* [Saints of Ancient Russia]. Moscow : Moskovskij rabochij. (In Russian).
- Filofej (1915). *Zhitie i deyaniya Savvy Novogo* [The Life and Deeds of Sava the New]. Moscow. (In Russian).
- Firdousi (1964). *Shah-name: V 2-h kn. Kn. 2.* [Shah-namah: In 2 books. Book 2]. Moscow : Hudozhestvennaya literatura. (In Russian).
- Frezer, Dzh. Dzh. (1980). *Zolotaya vetr': Issledovanie magii i religii* [The Golden Bough: A Study of Magic and Religion]. Moscow : Politizdat. (In Russian).
- Hudekov, S.N. (1913). *Istoriya tancev. Vol. 1* [History of dancing. Vol. 1]. Saint Petersburg : Tipografiya «Peterburgskoj gaza-ty». (In Russian).
- Shejn, P.V. (1902). *Materialy dlya izucheniya byta i yazyka russkogo naseleniya Severo-Zapadnogo kraja. Vol. 3* [Materials for studying the life and language of the Russian population of the North-Western Region. Vol. 3]. Saint Petersburg. (In Russian).
- Shibutani, T. (1969). *Social'naya psihologiya* [Social psychology]. Moscow : Progress. (In Russian).
- Shpengler, O. (1993). *Zakat Evropy* [The decline of Europe]. Novosibirsk Nauka. (In Russian).
- Eliade, M. (1999). *Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya* [Essays on Comparative Religious Studies]. Moscow : Ladorim. (In Russian).
- Yust, Yu. (1914). *Banya, lechenie i obychai* [Bath, treatment and customs]. In *Russkij byt po vospominaniyam sovremenников: XVIII vek. Vol. 1* [Russian way of life according to the memoirs of contemporaries: the XVIII century. Vol. 1], p. 86. Moscow. (In Russian).
- Yazykova, I.K. (1994). *Bogoslovie ikony* [Theology of the icon]. Moscow : Izd-vo Obshchedostupnogo Pravoslavnogo Universiteta. (In Russian).